

Юрий Танчев

Нежная королева

Юрий Танчев
Нежная королева

«Автор»

2026

Танчев Ю.

Нежная королева / Ю. Танчев — «Автор», 2026

Частный детектив Инга Ярцева — бывший «следователь от бога», получает странное письмо от человека, которого не видела двадцать лет. Абрам Маркович Романович — миллиардер и филантроп — зовёт её на свою роскошную яхту «Нежная королева». Инга приезжает. Яхта попадает в ловушку, дрейфуя на Средиземном море: навигация не работает, связь потеряна. А на борту — десять человек, и каждый из них — подозреваемый: кто-то убил жену Романовича полгода назад, кто-то угрожает ему теперь, кто-то запускает на старинном граммофоне жуткие песни Шуберта из цикла «Зимний путь» — те самые, которые покойная ненавидела больше всего на свете. А кто-то пытается убить саму Ингу. Но у неё есть преимущество: она не просто сыщик, она — «амазонка», способная превращать собственное тело в оружие. Противник думает, что загнал её в угол. Он ошибается...

© Танчев Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Пристань прошлого	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Юрий Танчев

Нежная королева

Глава 1. Пристань прошлого

Солнце в это утро не просто светило, а пылало, разливая тепло по зеркальной глади Средиземного моря. Частный детектив Инга Ярцева стояла на пирсе порта Монако, щурилась от ослепительного блеска воды и ловила себя на мысли, что её тело помнит совершенно иные ощущения. Россия, с её прохладными туманами и колючими ветрами, осталась за четырьмя часовыми поясами. Но не покидала душу верность северному небу, пронизывающему холоду и серым дням, знакомым с детства.

Здесь же, на Лазурном Берегу, даже воздух оказался другим — солёным, сладковатым, пропитанным дорогим кремом для загара и чьей-то беззаботной жизнью, текущей по иным законам. Ветер трепал её короткие тёмные волосы, играл с лёгким платьем — единственной уступкой югу, сделанной в дьюти-фри, потому что дома, в петербургском гардеробе, царили чёрные водолазки и куртки, привыкшие к сырости и умеющие защищать от промозглого воздуха. Платье облепляло колени, словно извинялось за свою неуместность среди этой роскоши и праздности.

«Как я здесь оказалась?» — спросила она себя в сотый раз, и в сотый же раз не нашла вразумительного ответа. Вероятно, всему виной тот смутный зов, который пришёл в письме, написанном знакомым почерком. Вопрос оставался без ответа, повисая в воздухе, как воздушный шар, не желающий улетать. Она перебирала в памяти обрывки недавнего прошлого, но картинка складывалась неполной, будто кто-то намеренно стёр важные детали.

— Мадам Ярцева?

Голос — с идеальным английским произношением и французским акцентом, похожим на намёк — вывел её из задумчивости. Инга обернулась. Мужчина в белоснежном костюме стоял перед ней с той безупречной прямоотой спины, которая бывает либо у военных, либо у тех, кто привык подчиняться воле хозяина. Солнечные очки в золотой оправе скрывали глаза, делая его лицо непроницаемым, как фасад дорогого отеля. Улыбка на его лице — вежливая, отретипированная, принадлежащая хорошо обученному персоналу — как бы говорила: «Я здесь, чтобы вам услужить, но не задавайте лишних вопросов, ибо ответы могут вам не понравиться».

— Капитан Батист, — представился он, чуть склонив голову в знак приветствия. — Господин Романович просил встретить вас и проводить на борт.

Он указал на причал, где на лёгкой волне покачивалась конечная цель перелёта — великолепная огромная яхта, сверкающая белизной на фоне бирюзовой воды. Инга повидала немало дорогих игрушек за годы своей работы: особняки, которые пахнут кровью — запах не выветривается, въедается в мрамор и паркет, становясь частью интерьера; замки с привидениями, где настоящие монстры носили человеческие лица и прятались за фасадами респектабельности; частные самолёты, в салоне которых наследники умирали быстрее, чем успевали завещать состояние. Но эта яхта была прекрасна особой, холодной красотой: семьдесят метров белоснежной стали, тиковое дерево, три палубы и вертолётная площадка на носу. А для тех, кому мало моря, бассейн на корме. Вода в нём переливалась бирюзой и казалась теплее морской, словно сама природа проиграла битву с инженерией. Название шло золотыми буквами на чёрной полосе у ватерлинии: «Tendre Reine», вычурное и мелодичное.

— Впечатляет, — сказала Инга, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — «Нежная королева» — удачное название.

Слова вышли сухими, как песок, потому что внутри, под рёбрами, шевельнулось нехорошее — то самое профессиональное чутьё, которое не обманывало никогда: слишком красиво, слишком богато, слишком много блеска для обычной семейной встречи. Всё это сияние под знаком «слишком» казалось декорацией, за которой скрывалось нечто тёмное и липкое.

— Господин Романович любит производить впечатление, — капитан улыбнулся шире и протянул руку, чтобы помочь подняться по трапу.

— Может быть, — ответила Инга, ступая на палубу и чувствуя под ногами надёжную твёрдость дорогого дерева. — Я его двадцать лет не видела. Люди меняются...

Капитан ничего не ответил. Только усмехнулся уголком губ — коротко, почти незаметно, но Инга уловила этот жест и поняла его безошибочно. Ясное дело, что Абрам Романович не изменился ни на йоту, несмотря на годы, состояния и грандиозные проекты. Он оставался тем же сложным, противоречивым человеком, которым был когда-то.

***

Она знала его ещё в университете, на юридическом факультете, где они оба «грызли гранит науки» — избитая фраза, но так и было на самом деле. Общежитие с не очень чистыми лестничными клетками, запах дешёвого табака, смешанный с ароматом растворимого кофе, и бесконечные споры о природе права — до хрипоты, до трёх ночи, до момента, когда кто-то не бросал уставшим голосом: «Кант всё равно переиграл бы Гегеля». Абрам Романович — тогда просто Абраша — был самым странным и запоминающимся человеком на их курсе. Сын инженера и библиотekarши, он носил потрепанные свитера, такие старые, что нитки торчали во все стороны, как усы у кота, создавая образ этакого рассеянного профессора. Но при этом цитировал Канта на немецком, не заглядывая в шпаргалку, и с лёгкостью оперировал философскими категориями, которые другим давались с трудом. И всегда — Инга до сих пор не понимала, каким образом — угощал вечно голодных однокурсников бутербродами с икрой, которые таинственным образом появлялись в его старом рюкзаке, будто по мановению волшебной палочки.

Она помнила его руки. Длинные, тонкие пальцы, с аккуратными ногтями — такие часто бывают у хирургов или музыкантов. Они порхали над страницами учебников, оставляя на полях рисунки — забавные карикатуры на преподавателей, иногда мрачные, почти готические, но всегда точные и выразительные. Помнила его смех — громкий, раскатистый, заразительный, он смеялся, будто знал какую-то вселенскую шутку, которую никто больше не слышал, и этот смех поднимал настроение всем вокруг. И помнила, как он исчез: на пятом курсе, перед самым дипломом, он сказал коротко: «Уезжаю к дальним родственникам в Израиль». И всё. Больше о нём никто ничего не слышал, его имя исчезло из студенческих чатов и общих воспоминаний, словно его и не существовало.

А через десять лет его имя замелькало в финансовых рейтингах: строительство, нефть, газ. Потом IT-сектор, стартапы, которые взлетали до небес. Затем космос — шутка ли, частная компания Романовича запустила на орбиту три спутника связи, сделав его имя известным далеко за пределами деловых кругов. Абрам стал Абрамом Марковичем. Миллиардер с европейской пропиской, филантроп, коллекционер современного искусства, владелец трёх футбольных клубов, которые неизменно проигрывали — но он продолжал их содержать с упорством, достойным лучшего применения. Как-то в случайном интервью его спросили: зачем вам эти убыточные клубы? Он ответил, с улыбкой глядя в камеру: «Любовь к проигравшим — единственная любовь, которая чего-то стоит...» Инга, прочитав это, тогда усмехнулась, подумав: «Сентиментальный чудак, каким и был в молодости».

Но именно этот сентиментальный бизнесмен прислал ей письмо три недели назад — обычный конверт, без важных гербовых печатей, без логотипов его компаний, даже без обратного адреса, словно он не хотел оставлять следов. Внутри лежала визитка с координатами яхты. И одна фраза, написанная от руки. Тем же нервным, торопливым почерком, каким он когда-

то конспектировал лекции по римскому праву — торопливо, с нажимом, будто боялся, что бумага сгорит раньше, чем он успеет высказаться.

«Инга, мне нужна твоя помощь. Не как миллиардеру — как человеку, который в беде. Приезжай. А.»

Она долго смотрела на этот клочок, словно надеялась найти скрытый смысл. Вспоминала его молодое лицо, не тронутое славой и деньгами, его горящие глаза и вечный энтузиазм. И почему-то не смогла отказать.

Почему? — спросила она себя тогда, упаковывая чемодан.

Почему? — спрашивала сейчас, стоя на палубе его роскошной яхты... Ответа не было, было только чувство — смутное, тревожное, похожее на эхо шагов в пустом коридоре, которое становилось всё громче с каждой минутой.

***

— Прошу за мной.

Капитан Батист провёл её через главный салон «Нежной королевы», напоминающий музей современного искусства, по ошибке совмещённый с пятизвёздочным отелем: белые кожаные диваны, стерильные, как операционная, столики из чёрного оникса, холодные и зеркальные, в них отражался потолок с хрустальной люстрой. На стенах висели картины, каждая из которых стоила больше, чем её квартира вместе с загородным домом в России: Хёрст — с его формальдегидными акулами, Кунс с его блестящими скульптурами и даже один ранний Бэкон — мрачное, вывихнутое пятно среди всего этого сияния, крик боли и ужаса в царстве роскоши. «Его оставили нарочно, — подумала Инга, — чтобы никто не забывал: красота — это только маска, под которой скрывается бездна...»

— Абрам Маркович ждёт вас на верхней палубе, — капитан открыл дверь лифта, отделанного зеркалами и полированным деревом. — Он просил извинить, что не встретил сам. У него гости.

— Гости? — Инга подняла бровь, удивлённая таким поворотом. — Он говорил, что будет только семья.

Батист пожал плечами, жест, который мог означать всё что угодно: от «я всего лишь капитан» до «вы и представить себе не можете, во что ввязались». Лифт поднялся на третью палубу беззвучно, и двери открылись, выпуская Ингу под открытое небо. Она ожидала увидеть вечеринку с шампанским рекой, диджеем за пультом и беззаботными лицами людей, которым нечего скрывать. Вместо этого на верхней палубе царила тишина — неестественная, натянутая, как струна за секунду до того, как лопнуть, разрезая воздух. Посреди палубы, под белым тентом, стоял длинный стол, накрытый на десять персон. Серебро, фарфор, хрусталь — всё идеально, всё на месте, всё ждёт, но никто не сидел за этим столом. Гости — человек шесть, а может, семь — разбрелись по палубе небольшими группками, говорили вполголоса, и их голоса сливались в негромкий, но тревожный гул.

Инга уловила в шёпоте страх. Он пах горечью и тишиной, когда люди отводят глаза и кусают губы. Она начала автоматически изучать окружающих, сканируя взглядом лица, жесты, позы — потому что эта привычка у детектива въедается прочно, как инстинкт.

Женщина в ярко-красном платье, с идеальным маникюром и глазами загнанной лани — лет сорока, блондинка, явно нервничающая. «Сестра? — подумала Инга. — Или жена? Нет, жена мертва. Значит, сестра или бывшая невестка». Мужчина в полотняном костюме, лысеющий, с мясистым носом, который когда-то был красивым, а теперь обвис, как перезрелая груша, с дорогими часами на запястье. Он то и дело их поправлял, будто проверял, не остановились ли, не сбились ли с хода. «Бывший партнёр, — всплыло в памяти Инги из досье, которое она бегло просмотрела перед вылетом. — Тот самый, с контрабандой, который чудом избежал тюрьмы». Девушка лет двадцати двух, высокая, худая, платиновые волосы, лицо модели — то есть лицо, которое ничего не выражает. Возможно, потому что выразить что-либо слишком

опасно. Взгляд пустой, устремлённый куда-то за горизонт, в точку, которую видит только она. «Марика», — поняла Инга. — «Дочь от первого брака». Парень чуть постарше на вид — лет двадцать пять, в футболке с черепом, татуировка на шее — какая-то бессмысленная вязь, которую молодые люди набивают, чтобы казаться опаснее, чем они есть. Он нервно прокручивал телефон в пальцах, хотя сети, судя по его лицу, не было уже давно. «Артём, сын Регины. Рок-звезда, не взявший толком ни одного аккорда, прожигатель жизни».

И отдельно, у самого борта, спиной к остальным, стоял мужчина в белом льняном костюме. Широкие плечи — такие не покупают в дорогих бутиках, их наживают годами ответственности и принятых решений. Седая шевелюра — густая, непокорная, бросающая вызов времени. Осанка человека, привыкшего, что мир подстраивается под него — но не потому, что он эгоист, а потому, что иначе мир развалится на части. Он смотрел на море, неподвижный, как статуя, и в этой неподвижности было что-то монументальное, почти статуарное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.